

У людей воды обычным приданым при заключении брака считались два лян серебра. У состоятельных семей, разумеется, сумма могла быть выше. Вспомнить хотя бы случай, когда красивая, статная дочь старосты деревни выходила замуж за сына старосты с острова Пиншань. Семьи подходили друг другу, и вся церемония была поистине блестящей: только в качестве приданого было вручено восемь лян и восемь цзяней серебра, а за невестой прислали совершенно новое судно - зрелище, ставшее местной притчей.

Но простым семьям до таких трат было далеко: редко кто осиливал даже три лян. К тому же не следует путать это с покупкой нового судна для молодых, та лодка остаётся в собственности семьи жениха, а вот приданое безвозвратно уходит родне невесты.

И потому, когда сваха произнесла: «три лян», первая мысль, мелькнувшая у Су И, была: «Чжун Мин, ты что, с ума сошёл?»

Он прекрасно помнил, что даже Лю Ланьцао, выдав старшего гера замуж, получила только два лян, и то речь шла о свадьбе между близкими родственниками. А тут к трём лянам ещё добавлены два отреза тонкого полотна, два доу белого риса и пара красных рыб — это уже нечто совершенно из ряда вон выходящее.

Тонкая ткань и белый рис — вещи дорогие, почти роскошь для людей, живущих на воде. А красные рыбы хоть и считаются традиционной частью приданого у людей воды, в последние годы их редко кто мог себе позволить: ловятся трудно, а потому заменялись другими крупными рыбами. Тот факт, что Чжун Мин не пожалел сил на такую добычу, ясно говорил: он всей душой стремится взять Су И в супруги и готов ради этого на многое.

В этом деле Чжун Мин отдал ему всю возможную дань уважения и достоинства.

Су И невольно задумался: когда же Чжун Мин успел пойти в море за рыбой? Сколько раз он нырял, чтобы выловить именно пару красных рыб? Ведь он не рыба, а человек, если долго оставаться в воде, можно продрогнуть до костей...

- Что это наш И-гер задумался с таким счастливым видом? — раздался голос Жун-нянцзы, и она слегка помахала у него перед глазами носовым платком.

- Я...

Су И покачал головой. Губы сами собой приподнялись в лёгкой улыбке, а в глазах заплескались крохотные капли света. Выражение лица Жун-нянцзы чуть изменилось, она взяла его за руку и легко похлопала по ней будто в знак поддержки и ободрения. Су И сдержал порыв заплакать. Он знал, что всё это не от горя, а от не привыкшего к такой перемене сердца. Ведь всю свою жизнь он существовал по чужой воле. И только теперь, впервые, он сам выбирает путь, по которому пойдёт дальше.

- Я согласен.

Суметь выйти за Чжун Мина — истинное счастье, выпавшее ему, Су И, словно дар трёх жизней.

Сидевший в нескольких шагах от него со скрещёнными ногами Чжун Мин беззвучно выдохнул с облегчением. Хотя сердца их давно сошлись, но до тех пор, пока не услышал ответа Су И, он всё же волновался.

Что до Жун-нянцзы, та и вовсе расцвела в улыбке, словно пышный цветок:

- Хорошо, очень хорошо, лучше и быть не может! Тогда я поздравляю вас обоих!

С этими словами она мягко потянула Су И за руку, усаживая его рядом с собой у стола прямо напротив Лю Ланьцао с её детьми.

На этом этапе даже Лю Ланьцао, сколь бы сильно ни хотела сохранить лицо ради свахи Жун-нянцзы, дабы в будущем это не повлияло на замужество Лу Юя, больше не могла сдерживаться. Ведь в делах сватовства никогда не обращаются напрямую к молодёжи, не зря же говорят: «по воле родителей, по слову свахи». Пусть даже нет отца и матери, но всегда найдутся дедушка с бабушкой по обеим линиям. Если и их не стало, то дядя, тётя, тётка или дядюшка по материнской линии — обязательно должен быть кто-то старший, кто держит слово.

Вот и Чжун Мин, хотя и сирота, всё же пригласил вторую тётю. А в глазах Лю Ланьцао всё происходящее выглядело как плевок в лицо: она ещё жива, глаза открыты, дышит, а эти люди толпой вваливаются на её лодку, прямо спрашивают у Су И, согласен ли он на брак, и, получив ответ, тут же устраивают ликование, словно дело уже решено, как будто её, его тётки, вовсе не существует!

Тем более, что с тех пор, как Лу Юй вошёл в каюту, он сам не свой — а кто, как не мать, лучше понимает своего ребёнка? Она с первого взгляда поняла, что тот, без сомнений, всё ещё питает чувства к Чжун Мину!

Вспомнив утро, когда он с радостью вскочил с постели, принялся долго прихорашиваться, глядя в таз с водой, словно в зеркало, она решила, что он, возможно, собрался прогуляться на рынок в уезде. А когда услышала, что Жун-нянцзы ведёт Чжун Мина с тёткой к ним, в сердце у неё екнуло: неужели этот подлец Чжун Мин втайне успел увлечь её сына? Иначе с чего бы тот встал на заре, пренебрегая утренним сном, и принялся вырисовывать брови?

И вот люди вошли на лодку, а глаза Чжун Мина ни разу не скользнули по Лу Юю. Как только сваха заговорила, они и узнали: сегодня семья Чжун пришла просить руки вовсе не Лу Юя, а этого несчастливца Су И!

- Жун-нянцзы, — заговорила Лю Ланьцао, — твоя слава как свахи давно на слуху у всей бухты: говорят, все пары, сведённые тобой, живут в согласии и счастье. Но сегодняшние твои действия, уж прости, не могу понять.

С каменным лицом Лю Ланьцао процедила:

— Ещё не было такого, чтобы какой-нибудь гер сам распоряжался своим браком. Если так дальше пойдёт, кругом будут одни распущенные парочки без рода и племени!

— Ланьцао, — мягко, но с нажимом возразила Жун-нянцзы, — так уж говорить не стоит.

За годы работы свахой она повидала всякое. И как к Су И относились в семье Лу, тоже было ей хорошо известно. Раньше это её не касалось, но теперь, получив от семьи Чжун оплату своих услуг, она, разумеется, стояла на их стороне.

— Ему, между прочим, уже семнадцать. А если бы выдали пару лет назад, как многие делают, к пятнадцати — у него уже бы дитя бегало. Разве он несмышлёный? Самостоятельный гер, почему ж не может решать свою судьбу?

С этими словами она перевела взгляд на Лю Ланьцао — с улыбкой, но и с укором, ибо её слова были сказаны не просто так. После того, как разнеслась весть, что та присвоила себе рецепт креветочного соуса Су И, по деревне поползли пересуды: мол, нарочно не даёт геру выйти замуж, чтобы и дальше из него всё тянуть и на нём наживаться.

Даже если Лю Ланьцао действительно всё это имела в виду, ни за что она бы не призналась в этом вслух. В этот момент она стиснула зубы - слова этой самой Жун, произнесённые при всех, были самым что ни на есть прямым унижением.

Она уже собиралась сорваться, но следующая фраза свахи окончательно превратила её лицо в маску злобы.

— Однако всё же есть один вопрос, — продолжала Жун-нянцзы с показной приветливостью, — который непременно следует обсудить с тобой, как с тёткой. Все в деревне говорят: Ланьцао — женщина добрая, к племяннику относится как к родному сыну, нет ближе у него человека. Женщина одна, да на плечах четверо детей и всё же, заботясь о племяннике, хранила для него его честно заработанные медяки, чтоб, чего доброго, не растратил, а ко дню свадьбы всё как положено - и приданое собрать, и выдать по всем правилам, с честью.

С этими словами она обернулась к Чжун Чунься.

— Чунься, помнится, ты перед визитом волновалась: дескать, как бы с приданным не вышло недоразумений. А я тебе сразу сказала: не бойся, Ланьцао кто угодно, но не такая. Я ведь и старшего гера её, Юэ-гера, замуж сватала, я и с её стороны, и с жениховой, всех привела. Ланьцао, ты ведь помнишь, правда?

В Байшуйао сваха была всего одна — Жун-нянцзы, так что, если не к ней, то и идти было не к кому. Лю Ланьцао натянуто скривила губы, но в её глазах не было ни капли веселья, а под

столом её рука сжалась в кулак.

Неудивительно... Вот оно что - с самого начала всё было задумано, чтобы вынудить её отдать серебро! Что ни говори, а заставить просить о деньгах именно Жун-нянцзы — это шаг весьма хитрый: она точно знала, что Лю Ланьцао ни за что не решится опозорить сваху прилюдно.

Жун-нянцзы держалась как истинный миротворец, всеми силами стараясь свести две семьи, и звучала так, будто её сердце разрывается от заботы:

— Ланьцао, какой бы ни была твоя привязанность к племяннику, ты же не станешь держать его на лодке до старости, верно? Семья Чжун добропорядочная, а парень у них что надо. Так чего тянуть, отдавай сегодня приданое, что ты копила для И-гера, обсудим условия, определим дату свадьбы. Ну не счастье ли это!

Одно только за другим — комплименты, похвалы, будто золотую фольгу наклеивала ей на лоб. И даже если она ещё пыталась изображать улыбку, губы у Лю Ланьцао так и не дрогнули. Вот уж у кого действительно язык подвешен, не зря её зовут свахой.

И она-то прекрасно понимала: стоит ей зажать сегодня кошелек, не выложить то, что должна, и Жун-нянцзы при следующем случае даже добрым словом не помянет её любимого гера Лу Юя. А пожертвовать ради Су И своим родным ребенком? Этого она себе позволить не могла.

С глухим звоном на стол упал серебряный браслет - Лю Ланьцао, вытянув руку, с сухостью проговорила:

— Он ведь не несучка, что яйца золотые несёт. Сколько там могло накопиться? Если уж по-хорошему считать, может, я на его содержание и того больше потратила.

Упертая, как всегда, она не сдалась ни на дюйм:

— Много у меня нет. Есть только этот браслет, пусть будет моим свадебным подарком.

Среди людей воды серебряные украшения полагались лишь замужним, будь то девушки или молодые геры. Обычно, отправляя ребёнка замуж, семья вручала вещицу, что переходила из поколения в поколение, как приданое, хранившееся на самом дне сундука. В дальнейшем, если в новой семье водились лишние деньги, и муж питал к молодожёну особую ласку, он нередко дарил серебряные украшения: что-нибудь для головы, запястья или ушей.

Потому и шли по деревне те, кто жил в достатке, с высоко поднятой головой, в волосах сверкает шпилька, на руке звенит браслет, уши — в серьгах.

Чжун Чунься тоже имела такие драгоценности, только берегла их в шкатулке для дочери Тан Ин и гера Тан Цюэ, на день свадьбы.

И вот теперь Лю Ланьцао выложила браслет. В этом был расчёт: мол, она вовсе не обошлась с Су И жестоко, и одновременно чтобы избавиться от необходимости отдавать куда более ценное серебро.

Этот серебряный браслет, за который было отдано целых три ляна, Лю Ланьцао и вправду купила не на свои кровно заработанные, потому не особенно и жалела. Он даже не успел прогреться у неё на руке, предполагалось, что в будущем он достанется Юй-геру, но теперь, скрепя сердце, пришлось отдать его этому проклятому Су И.

Сердце у неё сжалось, она чуть ли не вздрагивала от жалости к самой себе, но быстро успокоилась: в конце концов, семья Чжун подарили три ляна, да ещё и белый рис с тканью — значит, по большому счёту, она всё равно осталась в выигрыше. Пусть ткань и положено использовать на свадебный наряд, но семья Чжун проявила щедрость, а если ткань хороша, что мешает ей отрезать себе пару чи?

— Эй, И-гер, не забывай поблагодарить свою тётку! — встрепенулась Жун-няньцзы, живо подхватив браслет, переложила его на свой платок и подвинула поближе к Су И, подмигнув ему.

Су И, конечно, догадывался: Жун-няньцзы вынудила Лю Ланьцао расстаться с браслетом не без подсказки от Чжун Мина. Он не был глупым, знал, что в день сватовства или свадьбы лучше не раздувать конфликтов. Это как в Новый год: ссориться не принято, а если уж начнёшь год со скандала, дальше всё пойдёт наперекосяк.

— Благодарю тётушку, — ровно произнёс Су И и без лишней церемонии взял браслет в руки. Он прекрасно знал: этот браслет был выкуплен его собственным горбом и потом.

Он не умел читать и вести счёт, поэтому, продавая креветочный соус, не вёл записей. А если уж рассуждать по справедливости, то счёт между ним и Лю Ланьцао давно превратился в неразрешимую путаницу. К тому же пока над ним довлело слово «сыновний долг», даже если подать жалобу старосте, правды было бы не добиться, и отвоевать у неё каждую отданную монету дело едва ли не невозможное.

Теперь же, получив этот браслет, заставив Лю Ланьцао подавиться злостью, он и без того ощущал глубокое удовлетворение.

Семьи были в явной неприязни друг к другу, что на словах, что в душе. Когда Жун-няньцзы перешла к обсуждению даты свадьбы, Лю Ланьцао встала, отряхнула подол и с кислым лицом ядовито проговорила:

— Когда это И-гер успел с Чжун Мином сблизиться, что и дома никто не ведал? Раз так рвётся замуж, пусть уж поскорее и уходит!

До сих пор она не могла взять в толк, почему Чжун Мин вообще положил глаз на этого тощего,

желтокожего и, по её мнению, невзрачного гера. Не иначе как какой-то умысел у него есть. А как Су И будет жить дальше — посмотрим, может, она ещё сама посмеётся.

В то время как нормальные родственники стремятся задержать своего ребёнка дома подольше, она поступила наоборот - вышвырнула Су И как мусор, и, кто знает, может, этим только сыграла на руку семье Чжун.

— И чем раньше, тем лучше, — невозмутимо подхватила Чжун Чунься, — в нашей семье давно ждут, когда Чжун Мин обзаведётся семьёй. Он ведь старший в своём поколении — пока он не женат, младшие братья тоже должны ждать своей очереди.

— Жун-няньцзы, — продолжила она, — я помню, ты говорила, что двадцать третье число этого месяца - хороший день. Как насчёт назначить свадьбу на него? Раньше не годится, не успеем сшить свадебные одежды новому супругу, всё будет скомкано.

Жун-няньцзы обратилась к Лю Ланьцао:

— Ланьцао, а ты что скажешь?

Та усмехнулась с пренебрежением:

— Раз уж Су И сам себе хозяин и даже брак может за себя решить, наверняка и дату свадьбы тоже может выбрать. Вот у него и спрашивайте.

Она нарочно хотела выставить Су И в неблагоприятном свете, мол, бедный мальчик сам напрашивается в супруги, аж сгорает от нетерпения. Но Су И к её уколам давно привык, ведь за столько лет выслушал немало ядовитых слов.

Что до даты свадьбы, у него не было никаких возражений. Лишь после того как он кивнул, до него дошло: до двадцать третьего числа седьмого месяца оставалось всего полмесяца.

Через каких-то две недели... он и в самом деле станет супругом Чжун Мина.

<http://bllate.org/book/13583/1205008>